

УТВЕРЖДАЮ
Первый проректор –
проректор по научной работе
РУДН им. Патриса Лумумбы
д. мед. н., профессор,
член-корреспондент РАН

А.А. Костин

2023 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» о значимости диссертационной работы Кольцова Александра Валерьевича на тему «Понятие “переживание” в реалистической феноменологии А. Райнаха», представленной к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии

Диссертационное исследование Кольцова Александра Валерьевича представляет обстоятельную и систематическую реконструкцию роли понятия «переживание» в рамках феноменологического проекта Адольфа Райнаха. Указанный автор действительно является фигурой, весьма важной для понимания реалистической феноменологии — и по-прежнему является крайне малоизученным в отечественной (да и мировой) истории философии. Указанная работа призвана восполнить эту академическую лакуну, что представляется весьма ценным научным вкладом, прежде всего, историко-философского толка.

Структура диссертации выглядит следующим образом. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка (поскольку исследование посвящено одному

автору, список удобно поделен на раздел «Источники», включающий тексты самого А. Райнаха, и раздел «Литература»).

Первая глава является наиболее объемной, что впрочем объясняется не диспропорциональностью рассмотрения, но соответствует специфике феноменологического проекта самого Райнаха, в котором именно эпистемологическое рассмотрение является главенствующим. В первой главе автор весьма точно и обстоятельно реконструирует теории суждения и переживания у Райнаха, противопоставляя его позицию позиции Гуссерля. Особенно удачно показан контраст между широким пониманием интенциональности у Гуссерля — и более специальным понятием интенциональности как подразумевания у Райнаха (см., в частности, с. 101). Автор диссертации совершенно справедливо отмечает, что согласно Гуссерлю «можно свести все разнообразие переживаний сознания к общему роду интенциональных актов» (с. 91): и действительно, при рассмотрении различных чувств Гуссерль указывал, что во избежание констатации «неинтенциональных актов» придется различать интенциональные акты определенной направленности — и некоторые акты направленности неопределенной (см. §15 в разделе V «Об интенциональных переживаниях и их "содержаниях"»), причем связанных вовсе не с подразумеванием или интуицией, но с отсутствием определенного объекта (скажем, радостное или горестное чувство вообще имеет интенциональную природу, однако не связано с конкретным интенциональным отношением к объекту). Весьма примечательно также полученная в результате реконструкции взглядов Райнаха таблица, позволяющая соотнести попарно подразумевание, утверждение, представление и убеждение.

Не менее интересным оказывается представленной во второй главе сопоставление этики переживаний Райнаха с Кантом и Шелером, а также постановка вопроса о сущностном аморализме гражданского права, которая является практической философией вопросом. Третья глава весьма лаконичным образом намечает трактовку религиозного переживания в реалистической

феноменологии Райнаха, которая, по-видимому, не приобрела дальнейшего развития в связи с кончиной философа.

Подводя итог, можно сказать, что выводы, сформулированные в диссертации, вполне обоснованны, а разработанные в диссертационной работе положения вносят существенный историко-философский вклад в понимание генезиса реалистической феноменологии как одного из важных направлений в европейской философии XX века.

Говоря о **научной ценности и новизне исследования**, к несомненным достоинствам работы, наряду с качественной проработкой понятия «переживания» в феноменологии Райнаха, стоит также отнести весьма эксплицитное прояснение аргумента Райнаха в пользу материального априори, его обоснование необходимости бытия как проявленного в наглядности объективного положения вещей (но не отождествляемого с эмпирической достоверностью), и несводимости априорности к характеристике мышления или к тому, чтобы быть лишь атрибутом переживания (см. параграф «1.1.2. Принцип феноменологической корреляции; рационализм и реализм»). Вместе с тем, было бы любопытно более развернуто показать соотношение позиций Райнаха и тем, насколько он в данном вопросе солидарен с Максом Шелером, с которым они так или иначе немало взаимодействовали в Гёттингене.

Ряд ключевых положений и выводов диссертационного исследования представлены в научных публикациях автора. Автореферат отражает содержание диссертации и соответствует установленным требованиям.

Замечания по работе. Начнем с общих замечаний методологического плана. Автор диссертационного исследования отмечает, что «предлагаемое исследование примыкает к традиции изучения истории понятий», однако тут же оговаривает, что речь не идет о методологии истории понятий у Р. Козеллека, однако не уточняется, о какой конкретно традиции идет речь (по-видимому, не имеется в виду и кембриджская школа Скиннера, Покока и Данна, равно как и подходы Лавджоя и Штрауса). Возникает вопрос — что

же тогда имеется в виду, и насколько целесообразна здесь апелляция к истории понятий? Помимо этого, автор отмечает во введении, что «сосредоточение на избранном понятии позволило апробировать новый подход, фокусирующийся не на доктринальном аспекте философского текста, а на лежащей в его основе концептуальной структуре. Следствием такой оптики стало раскрытие внутренних логических связей, во многом обусловивших известные исследователям, непосредственно заявленные в текстах Райнаха декларативные позиции» (с. 18). Строго говоря, такой подход не является новым, поскольку как правило предполагается в любом сколько-то критическом (а не учебном) историко-философском исследовании.

Помимо этого, автор добавляет: «Вместо идеологического пафоса или «слепой» фактографии предлагается едва ли не впервые обратиться к детальной реконструкции идейного контекста, сопровождавшего появление и рецепцию первого тома «Идей...» Гуссерля в 1913 году» (с. 19). На это можно возразить — ведь подобного рода исследования предпринимались, в частности, Лестером Эмбре (Lester Embree) и Рональдом Бружиной (Ronald Bruzina), да и работы Н.В. Мотрошиловой, посвященные ранним работам Гуссерля и «Идеям I» уже некоторым образом наметили в русскоязычной историографии попытку соответствующей реконструкции. Если подобного рода попытка является неудовлетворительной, это следовало бы сопроводить артикуляцией критики, а негромкой безадресной констатацией некоторого неудовлетворительного положения дел в вопросе о реконструкции контекста «Идей...» Гуссерля.

Третье положение, выносимое на защиту, сформулировано следующим образом: «Притом что уникальность феноменологического мышления напрямую связана с разработкой некоторых специфических понятий (прежде всего, «интенциональность», «ноэмо-ноэтический комплекс» и «epoché»), оперирование самими этими понятиями возможно лишь в контексте более общего категориального каркаса, в который входит, среди прочих, понятие

«переживание». Восстановление полноты этого каркаса представляется немаловажной задачей для прояснения сути и генезиса феноменологии». Можно согласиться с тем, что восстановление категориального каркаса классической феноменологии — дело весьма полезное, в особенности, в историко-философской перспективе. Однако соразмерна ли такая постановка вопроса целям самой диссертации, в рамках которой понятие «переживания» все же исследуется сугубо позитивным образом (только в отношении тех авторов, у которых это понятие играет важную роль — как у Райнаха, но не в отношении тех феноменологов, которые предпочитают собирать свой «категориальный каркас» иначе, как это делает, например, Мартин Хайдеггер или Ойген Финк).

Несмотря на весьма удачную структуру изложения темы, позволяющую последовательно рассмотреть эпистемологическое, этическое и религиозное значение понятия «переживания» в работах Райнаха, все же, бросается в глаза некоторая несоразмерность названия третьей главы — «Религиозное переживание» — другим двум (первая глава называется «Переживание» в эпистемологии Райнаха», вторая — « Этическое значение понятия «переживание» у Райнаха»), как если бы речь шла уже не о феноменологии Райнаха, а текст загадочным образом трансцендировал заявленный предмет исследования и его логический объем.

Далее перейдем к более частным комментариям и замечаниям. В первой главе на с. 33 автор пишет: «устойчивая традиция радикального разведения психического и физического, в рамках которой утверждается, что психические феномены могут провоцироваться лишь другими психическими же причинами», однако субстанциальный дуализм у Декарта (в частности, в том виде, как он изложен в работе «Страсти души») отнюдь не лишен интеракционизма. В зависимости от того, что подразумевается под «провоцированием», можно утверждать, что как раз движение животных духов провоцирует ту или иную страсть души, либо же говорить о том, что страсти не следует рассматривать не как психические феномены в

собственном смысле, в то время как разумная душа, согласно Декарту, способна управлять своими страстями и не зависеть от телесных желаний и склонностей.

Также стоит обратить внимание на проблематичность и недопроясненность некоторых понятий, к исследованию которых во вторичной литературе автор обращается для прояснения трактовок «переживания» у Райнаха. Например, когда речь идет о характеристике «глубины» познания вещей — то эта самая «глубина» в рамках предложенного в диссертации описания (см. с. 90) оказывается совершенно неотличима от, например, «степени отчетливости» или даже просто «полноты». В параграфе 1.3.1, посвященном проблеме рефлексии, можно было бы указать на проблему, связанную с возведением обнаружимой в опыте сознания рефлексии к методологическому принципу самой феноменологической работы. Наконец, когда автор работы апеллирует к Ж. Дюбуа, который называет два определяющих критерия для разграничения интеллектуального и этического у Райнаха, и в отношении первого пишет: «будучи завершенным, интеллектуальное размышление не может быть повторено, поскольку инициировавшая размышление проблема решается раз и навсегда — в отличие от этого в области морали не бывает закрытых вопросов, и любое решение здесь может подвергаться в дальнейшем модификации в связи с новыми ценностными установками». При чтении представляется, что подобное поспешное обобщение у Дюбуа по меньшей мере вызывает вопросы со стороны философии науки, которая очевидным образом укажет на сомнения в возможности решения проблем «раз и навсегда», и в этом смысле интеллектуальное размышление оказывается неповторимым именно в силу своего временно-историчного характера и становится в этой связи не отличимым от морального решения, которое также приобретает свою уникальную оценку в свете весьма конкретных и определенных неповторимых обстоятельств, в определенном контексте нравственных оценок и воззрений. И тогда не вполне ясно, чем отличается пересмотр

научного положения от пересмотра этической оценки поступка и фундирующих его мотивов и ценностей. Действительно ли Райнах акцентировал внимание на неповторимости именно интеллектуального размышления, или это акцент, неловко мотивированный уже самим Дюбуа — это, как кажется, остаётся не вполне ясным. То же верно и в отношении второго принципа — очевидности (с. 159), которая кажется не столь уж очевидной в отношении зазора между «решением и поступком», равно как и в отношении вероятностного характера многих научных теорий, не сводимых к «недостаточному объёму» размышления (что это вообще значит?).

В целом, несмотря на весьма тщательное, добросовестное и систематическое изложение взглядов Райнаха, реконструкция его эпистемологии переживания все же обнаруживает ряд внутренних проблем, которые не удастся эксплицировать даже с помощью имеющейся в распоряжении вторичной литературы — и, возможно, автору следовало бы более смело и критически обозреть уже имеющиеся интерпретации Райнаха, которые как раз представляют собой скорее реконструкции или апологии, но редко — критику, которая объяснила бы, почему (помимо раннего ухода из жизни) проект Райнаха оказался менее востребованным и цитируемым в двадцатом веке, чем аналогичные феноменологические проекты.

Говоря о второй главе, пожалуй, большего внимания и более тщательного изложения стоило бы уделить полемике Райнаха «с неокантианской традицией, абсолютизовавшей дуализм "сущего" и "ценного"» (с.): поскольку неокантианство едва ли могло представлять в данном случае некую монолитную позицию.

В той же второй главе представлено рассмотрение понятий нравственного и ценностей, и теория этически окрашенного переживания выступает здесь в важном полемическом контексте: позиция Райнаха противопоставляется кантовской этике, поскольку «сами по себе переживания, как внутренние акты личности, также могут обладать нравственным значением — примерами чему являются прощение и

сострадание» (с. 154). Однако не вполне справедливо утверждать, что «только поступки получают у Канта этическое измерение», как если бы анализ поступков не был фундирован исследованием мотивов — что, в свою очередь, позволяет рассматривать артикулированное прощение как поступок (было бы странное говорить о прощении как об исключительно внутреннем акте, не имеющем никаких внешних проявлений, т.е. как о неинтенциональном, не направленном на Другого акте). Хотя можно согласиться с тем, что кантовская этика действительно является этикой поступков, из предложенного контраргумента не вполне ясно, может ли сострадание или прощение не быть поступком. Помимо этого, возникает некоторая трудность при осмыслении перехода от классификации актов нравственного чувствования к их различению с актами знания (с. 157). — так, в частности, пример обещания в «Априорных основаниях гражданского права» Райнаха представлен в работе как некий апофатический акт (то, что есть не только лишь знание об обещании, но и вовлеченность в ситуацию), однако совершенно не показан характер этого вовлечения, который по-видимому предполагал бы апелляцию и к другим типам переживания, выделенным ранее — таким как психические чувства и чувствование ценностей.

Третья глава обнаруживает еще одну существенную проблему — переход от теоретического понимания возможности понимать бога как коррелят интенционального предмета религиозного переживания, обладающего по меньшей мере феноменальной достоверностью — и анализом собственного религиозного опыта Райнаха. Строго говоря, насколько «приобретенный в кризисных условиях опыт доверия Богу» оказывается философски убедительным в свете пресловутого преодоления метафизического мышления?

В заключение стоит отметить, что работа выдержана в академическом стиле письма, оформление соответствует научным требованиям, исключительно редко встречаются стилистические неловкости, впрочем, по

всей видимости, вызванные вовсе не авторскими интенциями, а порожденные использованием некоторых академических штампов (выражения типа «впервые полноценно исследуется полнота опубликованных источников» (с. 18), или «эта тематика тем не менее неизменно присутствовала...» (с. 144).

Вышеперечисленные комментарии и замечания не содержат указаний на сколько-нибудь существенные недостатки работы и не снижают общего весьма благоприятного впечатления от диссертации.

Диссертационное исследование действительно выполнено на высоком профессиональном уровне, и работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук. Автор диссертации, Кольцов Александр Валерьевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Настоящий отзыв ведущей организации обсужден и утвержден на заседании кафедры онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», протокол от 22 ноября 2023 г. № 1000-05-БУП-4.

Составитель:

Д. филос. н., профессор, зав. кафедрой
онтологии и теории познания
факультета гуманитарных
и социальных наук РУДН

В.Н. Белов

Подпись

подтверждаю

/В.С. Мухаметжанова/
ученый секретарь Ученого совета
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы». Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
Тел. +7 (499) 936-87-87. e-mail: rector@rudn.ru; rudn@rufn.ru